НАШИ ГОСТИ

Три работы артиста Фальковича

ОДНАЖДЫ увидев этого артиста на сцене, хочешь встретиться вновь и вновь с разными его героями. Однажды почувствовав в нем самобытную, яркую индивидуальность, хочешь разглядеть в этой творческой личности все новые и новые грани природного дарования, отшлифованного профессиональным умением. И зрителю, идущему на спектакль с его участием, уготована радость еще одной неожиданной встречи, радость глубокого, вдумчивого общения с актером. Именно на такой лад активного соучастия в происходящем на сцене настраивает вас своей манерой игры артист Бакинского русского драматического театра имени Самеда Вургуна — Анатолий Фалькович, к работе которого наименее приложимо определение — «играет».

* * *

...ОЧЕНЬ может быть, что совсем недавно Джерри Рейану («Двое на качелях») откровенно завидовали: везучий парень! Тесть — не последняя спица в колеснице государства, и Джерри, начинающему юристу, было уютно под его крылышком. Жена, Тэсс, — обаятельная и такая чуткая, что мужу прямо-таки не продохнуть от ее забот. Да и сам по себе Джерри — чертовски привлекательный парень: высокий, длинноногий, с разумной мерой американского юмора и практицизма. И, очень может быть, что друзей у него было хоть отбавляй — ну, тех самых, с которыми очень мило пить коктейли и болтать о хобби. А потом Тэсс, от однообразия супружеской верности, с истинно американской непосредственностью выбирает себе нового жениха и предоставляет Джерри великолепную возможность поразмыслить о жизни в одиночку. Да-да, в одиночку. Потому что ты можешь орать сколько тебе угодно, ты можешь даже надсадить себе глотку — никто не услышит твоей боли, никто не прибежит на помощь: ты в цементном колодце, ты в тюрьме-одиночке. Ты в Нью-Йорке. В городе, говорит Джерри, который превратился бы в сплошную грязную лужу, если б можно было в слезах растворить его подлости.

И уже грусть уступает место угрюмому озлоблению, загнанному глубоко внутрь, а постоянным средством самозащиты становятся бесстрастная ирония, горький сарказм. И не обретя сил в мучительном самоанализе, он возненавидел себя — «червяка с раздавленным сердцем». И, как знать, если бы не случайная встреча с шальной беспризорной девчонкой Гитель, может, Джерри и в самом деле махнул бы вниз с одного из мостов, что расставлены в Америке будто специально для самоубийц...

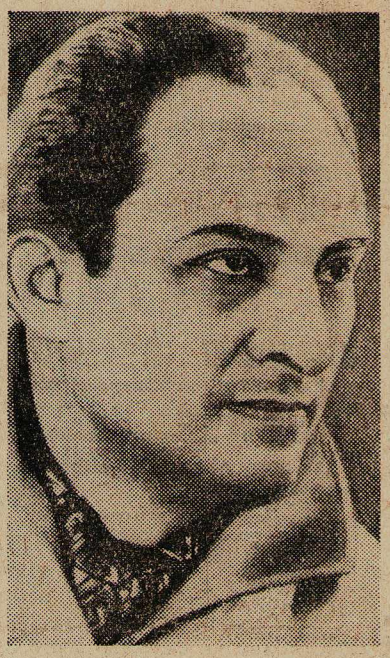
Для Джерри — Фальковича, дело, конечно, не только в Тэсс, хотя она мертвой хваткой держит его сердце: ведь когда любишь, это навсегда... И не в том только, что теперь, стукнувшись лбом о жизнь, он понял, как трудно приходится тем, кого не нянчат, кого не поддерживают крепкие тести...

Джерри смутно осознает, что в том, что случилось с ним, есть какая-то дьявольская закономерность. Он чувствует необходимость борьбы. Но с кем? С чем? Этого он не в силах постичь...

Напряженная внутренняя жизнь героя Фальковича — в каждом мгновении его пребывания на сцене. Для актера нет пустых, «проходных» сцен, бессодержательных пауз, когда можно передохнуть. Огромный путь проделал он вместе с героем: от растерявшегося, вдруг потрясенного сознанием собственного ничтожества человека, привыкшего выклянчивать подачки, до личности, обретшей веру в свои силы, познавшей радость бескорыстной помощи ближнему. И путь этот прослежен актером мягко, с осторожностью и точностью хирурга, с деликатностью психолога.

* * *

...КАЗАЛОСЬ, что на наших глазах беспрерывно, до жути расчетливо и беспощадно плели кружева, ткали изящные и крепкие сети придворных интриг, чтобы надежно и благопристойно удушить ими всякого, кто станет поперек дороги. Это холодновато-чопорный, картинно-изысканный царедворец граф Лестер — увы, не королевской крови — напролом шел к заветной цели — к английской короне.



Впрочем, «напролом» скорее относится к его недюжинному упорству, непреклонной целеустремленности, завидному терпению. По средствам же и способам достижения заветной мечты, столь страстной, сколь же и тщетной, увертливый и находчивый Лестер и страшен, и жалок, и мелок. Да и то сказать, при дворе Елизаветы I молодецкому духу не разгуляться, прямодушному и открытому человеку не сносить головы. Новая Англия, воссозданная Шиллером в бессмертной «Марии Стюарт», не знает чести, на ней неизгладимая печать расчета и ханжества. И Лестер — законченный образчик величественно-мещанского буржуазного уклада Англии тех времен, да и только ли тех... Лестер у Фальковича достаточно умен для того, чтобы безошибочно вести десятилетнюю борьбу с королевой — за королеву; достаточно пылок, чтобы сквозь годы мучительного лицемерия сохранить в себе пыл искренней влюбленности в Марию, отвергнутую им ради более могущественной женщины; и достаточно подл, чтобы, не поперхнувшись, вылить перед нелюбимой любовницей Елизаветой ушат грязи на Марию, чтоб не моргнув глазом предать юного Мортимера, товарища, союзника в борьбе. И все это с достоинством, с обезоруживающей «естественностью» поднаторевшего в грязных делах аристократа.

В роли Лестера Фалькович достигает большой пластичности, выразительности. Это и его холеная рука с изящным, точным жестом, и глубокомысленный наклон головы. Большое тело Лестера гибко и почти грациозно. Оно изворачивается, скользит, движется экономно и бесшумно. И чаще всего пятясь мелкими шажками, боясь подвоха, не показывая спины. Он крупный хищник, подобравший когти, всегда готовый к прыжку и не сводящий ледяного взора с наивной жертвы.

Но и в этот жесткий, цельный характер честолюбивого и весьма последовательного в беспринципности карьериста актер нет-нет, да и вкрапливает крупинки человечного. Вспомним, как благоговейно Лестер прижал к губам миниатюру Марии, как перехватило у него дыхание при виде ее — живой, прекрасной и желанной. Но то была минутная слабость царедворца, который, затаившись, не пропустит ни слова из поединка двух соперниц и пойдет лишь за сильнейшей. И еще при виде казни Марии он содрогнется, раскается в содеянном — на миг...

* * *

В «МИЛЛИОНЕРШЕ» Фалькович предстал вдруг как сочный характерный актер, способный оправдать и сделать органичными для своего персонажа любые, самые нелепые, на первый взгляд, трюки. В одном образе — Блендербленда, уже одним именем намекающем на какую-то невероятную мещанину, — слились два облика, кажущихся несовместимо противоположными. Один — респектабельный мужчина в расцвете сил, сделавший крупнейшую в своей личной и деловой практике ставку — на миллионершу, которую он покоряет предупредительностью и светскими манерами. Другой — хамовато огрызающийся проходимец, изрядно смахивающий на голодного волка, по собственной глупости подавшегося в капкан. Впрочем, говорит актер, вглядитесь — это две стороны одной и той же фальшивой монеты. Броским шаржированным приемом раскрытия образа он подчеркивает: «Ну да, Блендербленд — всего-навсего ничтожество. Спущенный с лестницы эксцентричной миллионершей, он поднялся из пыли голым королем, которому уже нечем прикрыть своей внутренней пустоты».

* * *

НЕ РАЗ увидев этого артиста на сцене, хочется встретиться с ним вновь. И не покидает надежда, что в будущем — и в роли героического нашего современника. Чтобы с большей силой прозвучало жизнеутверждающее начало его таланта, чтобы его сильному голосу доверили партию оптимистическую, могучую. В оптимистической же современной — советской! — пьесе, которой до сих пор так недоставало нам в гастрольном репертуаре наших друзей из Баку.

Н. КИДИНА.

Вечерний Ростов
г. Ростов н/Д
29 АВГ 1966